

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.7

DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-2-29-34

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ БАНКРОТСТВА

САХАРОВА Юлия Владимировна*

✉ 1887342@mail.ru

Ул. Бежицкая, 14, г. Брянск, 241036, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем реализации принципа добросовестности применительно к процедурам банкротства. Рассмотрены проблемы определения добросовестности, критерии определения добросовестности арбитражного управляющего, критерий достаточности в его действиях, добросовестность в соблюдении сроков исковой давности в процедурах несостоятельности, а также нарушение принципа добросовестности при непринятии арбитражным управляющим надлежащих мер к оспариванию договоров должника.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), добросовестность, принцип, арбитражный управляющий.

Legal Problems of Realization of the Principle of “Good Faith” in the Course of Bankruptcy

Sakharova Yuliya V.**

✉ 1887342@mail.ru

14 Bezhitskaya st., Bryansk, 241036, Russia

Abstract. This article is about research problems of realization of the principle of conscientiousness in relation to procedures of insolvency (bankruptcy). The Author considers problems of determination of category “conscientiousness”, the questions of criteria to determine the good faith of the trustee, the criteria of “sufficiency” in his actions, good faith in complying with the statute of limitations in the procedures of bankruptcy, as well as violation of the principle of good faith with the liquidator failure to take appropriate action to challenge the debtor's contracts.

Key words: bankruptcy, good faith, principle, trustee.

Сфера несостоятельности (банкротства) является одной из наиболее острых не только в российском законодательстве, но и в предпринимательской деятельности вообще. Сама

* Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, кандидат юридических наук.

** Docent of the Department of Civil Disciplines of Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, Candidate of Legal Sciences.

рассматриваемая сфера требует повышения уровня добросовестности участников отношений.

Исследованию категории «добросовестность» на сегодняшний день посвящено довольно большое количество статей, работ, докториальных исследований. Зачастую российские правоведы рассматривают дефиницию «добросовестность» сквозь призму его соотношения с разумностью [3, с. 8; 5, с. 7]. При этом до сих пор в доктрине нет единства взглядов на само понятие добросовестности как принципа межотраслевой категории. Это осложняется еще и тем, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит четкого понятия и легального определения категории «добросовестность», хотя на его применение указывает ряд статей ГК РФ и Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве), а также иных нормативных актов различных отраслей права.

Добросовестность как понятие выступает в первую очередь философской категорией. В литературе под добросовестностью понимают духовно-нравственные качества личности, такие как правдивость, честность, ответственность. Добросовестность в основе своей имеет такие духовные качества человека, как доброжелательность, стремление к добру, это критерий отношения человека к миру, движение к истине [1, с. 35].

Подход к определению добросовестности через категории добра и зла, сформулированный Е. Е. Богдановой, видится весьма современным. Под добросовестностью названный автор предлагает понимать сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Поведение, отражающее представление общества о добре, следует считать добросовестным. Поведение, отражающее представление общества о зле, – недобросовестным [2, с. 1364].

С. Ю. Чашкова под добросовестностью предлагает понимать субъективное состояние лица, которое характеризуется тем, что оно не знало и не должно было знать о своих неправомерных действиях в момент их совершения [7, с. 48].

Очень проработанным понятие добросовестности видится в работах О. В. Мазур. Требование добросовестности в российском праве она делит на два элемента: субъективную и объективную добросовестность. При этом субъективная добросовестность предполагает оценку субъективного состояния лица с точки зрения его фактической честности, обоснованной убежденности в правомерности собственных действий. С позиции объективной добросовестности оценке подлежит объективное соответствие действий субъекта разумным ожиданиям определенных третьих лиц, для защиты которых установлено требование добросовестности исходя из требований закона или из существа обязательства [5, с. 16].

Применительно к сфере несостоятельности (банкротства) стоит согласиться с мнением А. А. Кравченко, что категория «недобросовестные действия» по своему объему не совпадает с дефиницией «правонарушение» или нарушение императивных норм права, так как недобросовестность может проявляться у субъектов процедур несостоятельности (банкротства) и в границах, определенных законом, например, неосуществление всех возможных действий, которые могут способствовать восстановлению платежеспособности и реабилитации предприятия [4, с. 13].

Следует отметить, что практически для любого субъекта процедур несостоятельности (банкротства) можно выделить механизмы недобросовестных действий, в том числе действий в обход закона. При этом к субъектам в рассматриваемой сфере можно отнести должника в лице его учредителей, участников и иных лиц, кредиторов должника, а также арбитражного управляющего. Поскольку требования к объему настоящей статьи не позволяют рассмотреть недобросовестные действия как непосредственное выражение реализации принципа добросовестности, всех субъектов процедур несостоятельности (банкротства), то кажется правильным остановиться на исследовании недобросовестных действий арбитражного управляющего, поскольку, выступая управляющим, он обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, что обеспечивается в том числе и возможностью оспаривания его действий (бездействия) в су-

¹ *О несостоятельности (банкротстве)* : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

дебном порядке, если у заинтересованных лиц возникают сомнения относительно соответствия его деятельности таким требованиям, которые могут влечь нарушение прав и законных интересов заинтересованных лиц.

Российское законодательство содержит ряд мер, направленных на обеспечение добросовестности арбитражного управляющего. В частности, к ним можно отнести институт ответственности арбитражного управляющего. А. А. Кравченко выделяет спектр мер ответственности, которые возлагаются Законом о банкротстве на арбитражного управляющего: 1) отстранение от исполнения обязанностей в деле о банкротстве (по делу № А26-10095/2009 определением суда конкурсный управляющий был отстранен от исполнения своих обязанностей в процессе несостоятельности (банкротства) в связи с тем, что им была нарушена обязанность действовать разумно и обоснованно в интересах должника и кредиторов); 2) исключение из саморегулируемой организации (в случае нарушения установленных условий членства в саморегулируемой организации или несоответствия этим условиям); 3) возмещение убытков (дела № А66-2955/2012, № А33-14033/2008 и иных) [4, с. 14–15].

Соглашаясь с соответствующим видением института ответственности арбитражного управляющего, проблемным аспектом видится вопрос о критериях оценки деятельности арбитражного управляющего и чему именно должен соответствовать объем исполненных обязанностей и действий арбитражным управляющим, чтобы его деятельность была добросовестной.

Нормы Закона о банкротстве об обязанностях арбитражного управляющего и о статусе арбитражного управляющего в процедурах банкротства предусматривают определенный набор его обязанностей и прав. При этом названный закон предусматривает и определенный объем действий, которые должен произвести арбитражный управляющий, подтверждения об осуществлении которых должны быть представлены в суд (например, п. 2 ст. 67 – обязанность временного управляющего представить в суд отчет о своей деятельности, заключение о финансовом состоянии должника и иные документы и пр.).

В данном случае целесообразно использование критерия достаточности в действиях ар-

битражного управляющего: 1) были ли им произведены все необходимые действия для того, чтобы восстановить платежеспособность предприятия, ведь на сегодняшний день количество дел о несостоятельности (банкротстве), которые завершаются восстановлением платежеспособности должника и расчетом с кредиторами, крайне незначительно (дела № А64-3007/98-2, № А73-5396/2007, № А07-94/2013); 2) произведен ли розыск всего имущества юридического лица, утраченного или незаконно выбывшего из его владения; 3) оспорены ли все сделки должника с учетом положений главы III.1 Закона о банкротстве; 4) взыскан ли весь объем дебиторской задолженности; 5) было ли направлено в арбитражный суд заявление о привлечении к ответственности руководителей, учредителей, контролирующих лиц должника, ответственных за неудовлетворительное финансовое состояние должника в случае обнаружения их вины (например, по делу № А79-7577/2010 судом удовлетворено требование о привлечении бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Судом установлено, что действия бывшего руководителя должника способствовали ухудшению финансового положения последнего и его несостоятельности, наличие вины бывшего руководителя должника в банкротстве доказано) [4, с. 16].

В судебной практике добросовестность арбитражного управляющего рассматривается в первую очередь в свете срока исковой давности. Основные ее критерии закреплены в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 23 декабря 2010 г. № 63², согласно которому оценке подлежит такой аспект, насколько управляющий мог установить наличие этих обстоятельств, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность. Необходимо принимать во внимание, что утвержденный при введении процедуры несостоятельности (банкротства) разумный управляющий оперативно запрашивает всю необходимую ему для осуществления своих полномочий информацию, в том числе ту, которая может свидетельствовать о совершении сделок, подпадающих под действие

² О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2010 г. № 63 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

норм статей 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве. В частности, разумный управляющий запрашивает у руководителя должника и предыдущих управляющих бухгалтерскую и иную документацию должника, у соответствующих лиц – сведения о совершенных в течение 3 лет до возбуждения дела о банкротстве и позднее сделках по отчуждению имущества должника (в частности, недвижимого имущества, долей в уставном капитале, автомобилей и т. д.), а также имевшихся счетах в кредитных организациях и осуществлявшихся по ним операциям и т. п.

В данном случае стоит отметить, что у арбитражного управляющего есть свои сроки исковой давности, пропуск которых влечет за собой отказ в его иске об оспаривании сделки должника. К примеру, по делу № А47-2454/2011 суды трех инстанций удовлетворили требования об оспаривании сделки, но Верховный Суд Российской Федерации отменил судебные акты, указав: «Как установлено судами, процедура наблюдения в отношении общества введена определением Арбитражного суда Оренбургской области от 21.07.2011 г., временным управляющим должником утвержден Мясников А. В., на которого впоследствии решением Арбитражного суда Оренбургской области от 22.11.2011 г. было возложено исполнение обязанностей конкурсного управляющего должником.

С учетом изложенного о совершении оспариваемой сделки арбитражный управляющий Мясников А. В. мог и должен был узнать в период исполнения им обязанностей временного управляющего, о чем свидетельствует составленное им заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного и преднамеренного банкротства общества, в котором спорная сделка отражена. Поэтому срок исковой давности начал течь с момента возложения на Мясникова А. В. обязанностей конкурсного управляющего должником.

Заявление о признании оспариваемой сделки недействительной подано в арбитражный суд вновь назначенным конкурсным управляющим Бортниковым Н. А., являющимся в силу положений пункта 6 статьи 20.3 Закона о банкротстве процессуальным правопреемником арбитражного управляющего Мясникова А. В., 03.12.2012 г., то есть за пределами сроков исковой давности»³.

В данном деле можно отметить два аспекта: 1) несоблюдение годичного срока исковой давно-

сти, установленного для конкурсного управляющего, может быть самостоятельным основанием для отклонения заявления (в данном случае других оснований для отказа не было, что вытекает из актов трех судебных инстанций); 2) решение вопроса о правопреемстве управляющих: тот факт, что об основаниях для оспаривания сделки узнал один управляющий, а оспорил сделку уже другой, не имеет значения для оценки применения исковой давности.

Интересен другой пример из судебной практики. Предметом рассмотрения суда явились действия (бездействие) арбитражного управляющего, связанные с оспариванием сделки должника – общества в судебном порядке по спору об оспаривании подозрительной сделки должника. Конкурсный кредитор требовал отстранения арбитражного управляющего. Основанием же для обращения конкурсного кредитора послужило неправомерное поведение арбитражного управляющего, которое следует квалифицировать как нарушение принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства) (дело № А21-1723/2010).

Спор заключался в том, что заявитель – конкурсный кредитор потребовал от конкурсного управляющего принять меры к судебному оспариванию договора поручительства, считая договор подозрительной сделкой на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, совершенной в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, заключение которой привело к значительному увеличению размера имущественных требований, предъявленных к обществу. Договор был заключен за два месяца до принятия заявления о признании общества банкротом. По такому договору на сумму более 1 млрд рублей общество обязалось отвечать за исполнение обязательств заемщиком перед компанией. Объем обязательств, дополнительно принятых обществом на момент совершения сделки, многократно превышал балансовую стоимость активов общества, которое отвечало признакам неплатежеспособности и недостаточности имущества. Компания, ссылаясь на наличие обеспечения и неисполнение обязательств заемщиком, обратилась в суд о включении в реестр требований кредиторов должника.

Арбитражный управляющий от предложения конкурсного кредитора уклонился, при этом от-

³ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2015 г. № 309-ЭС15-1959 по делу № А47-2454/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

каза не заявил, хотя кредитор в письме с предложением ссылался на конкретные доказательства. В суд с требованием о признании недействительным договора арбитражный управляющий обратился лишь в период рассмотрения поданной жалобы конкурсного кредитора на его бездействие, изложив заявление как частное мнение такого кредитора, не приложив никаких документов, что стало причиной оставления его без движения. При длительном бездействии управляющего лишь конкурсным кредитором были устранены обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения.

Соответствующие факты явились основанием для вывода суда о ненадлежащем исполнении обязанностей конкурсного управляющего. Высшая судебная инстанция, удовлетворяя требования конкурсного кредитора, исходила из того, что в силу п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов означает, что при рассмотрении предложения об оспаривании сделки арбитражный управляющий обязан проанализировать, насколько убедительны аргументы кредитора и приведенные им доказательства, а также оценить реальную возможность фактического восстановления нарушенных прав должника и его кредиторов в случае удовлетворения

судом соответствующего заявления. Более того, само по себе обращение управляющего по оспариванию сделки не свидетельствует о должном исполнении им своих обязанностей⁴.

В приведенном деле ярко проявляется ненадлежащий характер действий и бездействия управляющего как проявление несоблюдения принципа добросовестности. Судебное оспаривание арбитражным управляющим сделок должника по специальным основаниям Закона о банкротстве посредством иска является одним из процессуальных средств для осуществления мер по защите имущества должника, реализация которого диктует добросовестное пользование процессуальными правами и исполнение процессуальных обязанностей, в том числе правом на обращение в суд, которым ввиду своего особого правового статуса в процедурах несостоятельности (банкротства) наделяется арбитражный управляющий [6, с. 51]. В силу ст. 61.9 Закона о банкротстве участие арбитражного управляющего посредством инициирования производств по спору о недействительности сделки при реализации им права на обращение в суд является собой процессуальную форму защиты прав и законных интересов должника. В рассмотренном деле арбитражный управляющий как раз таки нарушил принцип добросовестности путем своего бездействия.

Список литературы

1. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург : Деловая кн., 2000. 937 с.
2. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1363–1369.
3. Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.
4. Кравченко А. А. Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 10–17.
5. Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 23 с.
6. Уксусова Е. Е. Конкурсное производство и «мини-производство» на примере обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 44–52.
7. Чашкова С. Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–52.

References

1. Bezrukova V. S. Osnovy dukhovnoi kul'tury (entsiklopedicheskii slovar') [The Fundamentals of the Spiritual Culture (Encyclopedic Dictionary)]. Moscow, 2000. 375 p.
2. Bogdanova E. E. Printsip dobrosovestnosti v dogovornykh otnosheniyakh v rossiiskom i zarubezhnom prave [The Principle of Good Faith in Contractual Relations in Russian and Foreign Law]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 7 (44), pp. 1363–1369.
3. Vasilenko E. V. Kategorii «dobrosovestnost'» i «razumnost'» v grazhdanskom prave: voprosy sootnosheniya. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Categories of “Good Faith” and “Reasonableness” in Civil Law: Issues of Correlation. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Krasnodar, 2012. 27 p.

⁴ Постановление Президиума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 28 февр. 2012 г. № 15935/11 по делу № А21-1723/2010. URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_3b8602cb-9d44-4609-b046-ff9b5070bde1

4. Kravchenko A. A. Ob otvetstvennosti za nedobrosovestnost' v otnosheniyakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [On Responsibility for Unfair Practices with Regard to Insolvency (Bankruptcy)]. *Predprinimatel'skoe pravo – Entrepreneurial Law*, 2015, no. 2, pp. 10–17.

5. Mazur O. V. Trebovanie razumnosti v sootnoshenii s trebovaniem dobrosovestnosti v grazhdanskom prave. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [The Requirement of Reasonableness in Relation to the Requirement of Good Faith in Civil Law. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. St. Petersburg, 2012. 23 p.

6. Uksusova E. E. Konkursnoe proizvodstvo i «mini-proizvodstvo» na primere obzhalovaniya deistvii (bezdeistviya) arbitrazhnogo upravlyayushchego [Insolvency Proceedings and «Mini-proceedings» on the Example of the Appeal of Action (Inaction) of the Arbitration Manager]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, no. 7, pp. 44–52.

7. Tchashkova S. Yu. Primenenie kategorii «dobrosovestnost'» i «razumnost'» pri regulirovanii imushchestvennykh otnoshenii suprugov [Use of Bone Fides and Sensibility Categories in Spouses' Property Regulation and Realization of Rights]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2010, no. 9, pp. 47–52.